

Власов В. Ф.

Земля Обетованная

В поисках 4-го измерения

16+

Владимир Власов
Земля Обетованная

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Земля Обетованная / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Герой романа знакомится с понравившейся ему девушкой в поезде, который попадает в крушение, и оба оказываются в другом измерении, где живут бурятские шаманистские боги. Между выжившими людьми с поезда и богами начинается война из-за похищения девушки. Пытаясь освободить её, герой проходит через тяжкие испытания, но, спасая её, всё равно расстаётся с ней, раскаиваясь и сознавая, что в жизни нужно заботиться не только о себе, но и помогать другим страждущим.

© Власов В. Ф., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие	6
I. Знакомство с девушкой	8
II. Крушение поезда и конец света	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Посвящается отцу

"ДАБ ГЭХЭ ДАЙДА МАНАЙ, ДАЛАЙ ГЭХЭ УЬАН МАНАЙ."

*"Земля, по которой ходишь, наша;
вода, раскинувшаяся морем, наша"*

Ритуальное обращение к Земле и Воде, употреблявшееся бурятами в обрядах дошаманистического периода. Оно содержало просьбу одарить молящихся тёплым дождём, густым травостоем, урожаем хлеба, приплодом скота, чадородием.

Предисловие

В этой книге нам хотелось бы собрать немногие свидетельские показания очевидцев, проливающие свет на загадочное явление, которое до сих пор не поддаётся никакому научному объяснению. По мнению одних, это происшествие было не чем иным, как предвестником конца света. По мнению других, данный случай следует рассматривать как атмосферное нарушение в природе, вызванное загрязнением окружающей среды. Третьи же утверждают, что ничего не произошло, а подобные метаморфозы случаются раз в тысячелетие и доказывают лишь наличие у природы своих скрытых механизмов, не поддающихся толкованию нашим несовершенным разумом. Но, как бы там ни было, все очевидцы сходятся в утверждении, что царящие в природе законы саморегуляции иногда преподносят нам сюрпризы, заставляющие нас задуматься о многом и ставящие в основу нашего общежития принцип, от которого зависит наше существование. Принцип, подтверждающий, что в этом прекрасном и совершенном мире наша жизнь должна протекать в соответствии с законами природы и в гармонии с ней, о чём, судя по всему, раньше хорошо знали наши предки и придерживались его в своей жизни. Однако, в последнее время мы забываем, что само наше появление на свет и существование в этом мире связано с нашей хрупкой средой обитания, которую никто не имеет права изменять по своему усмотрению.

Из всех свидетельских показаний очевидцев нам хотелось бы выделить самое полное – историю одного журналиста и изложить его версию происшествия.

"Реки потекут вспять, змеевидный транспорт опояшет землю, будут огни без дыма, экипажи без лошадей, цари будут свергнуты, золото появится на полках, хлеб спрячется в сундук, богачи превратятся в батраков, каторжане станут начальниками, шаманы будут повешены на деревьях и, когда выпадет последний волосок из черного кончика заячьего уха, наступит всемирный потоп".

(Из пророчеств бурятского мудрец Гурсеба)

Почему я позволил уговорить себя дать свидетельские показания? Ради чего я решился взяться за перо? А чёрт его знает! Но если уж вы настаиваете и требуете конкретного ответа, так и быть, я вам дам его. Вот он. Вероятно, я сделал это потому, что предался сладостным воспоминаниям о той далекой Земле Обетованной, в которую мне так и не суждено было больше вернуться. М-да, там осталась моя ненаглядная красавица, по которой я вздыхаю по сей день и из-за которой я пустился в это безумное путешествие, моя прекрасная фея с пепельными волосами, попавшая в общество кретинов, возомнивших себя мудрецами о семи пядях во лбу.

Они-то и изгнали безжалостно меня из своего Эдема. Вместе с этим, я хотел бы изложить также свои мысли по сути той, окутанной тайной проблемы, из-за которой сейчас многие учёные ломают копья. Они доказывают свою правоту относительно неожиданно-негаданно появившейся и так внезапно исчезнувшей Земли Обетованной. Хотелось бы ещё привести толкования моих знакомых и очевидцев происшествия, воспоминания о котором до сих пор не дают мне покоя, вероятно, потому, что, несмотря на свою странность, остаются по сей день самыми яркими в моей жизни. И даже сейчас, когда прошло достаточно времени, грёзы о той стране продолжают навещать меня, и я вижу её настолько явственно, как будто вернулся оттуда только вчера.

Итак, приступаю к изложению моих свидетельских показаний, но прежде хотелось бы сказать ещё вот о чём.

Странные вещи – время и воспоминания. Чем глубже я предаюсь моим воспоминаниям, тем больше меня охватывает чувство тоски по безвозвратно утерянному времени. Говорят,

былого не вернешь ни за какие коврижки. Какая правдивая истина! Именно тогда, в тот короткий промежуток времени, промелькнувший для кого-то, как считанные секунды, а для кого-то растянувшийся на годы и десятилетия, мне удалось стать самим собой. Не знаю, вывел ли я из всего этого какой-то урок для себя, но мне кажется, что это была пора, когда я мог овладеть любым мастерством и даже обрести дар истинного поэта, художника или артиста. Тогда, как и другие мои сотоварищи, я обрел то состояние, при котором как бы исчезли временно-пространственные границы и свыше снизошло нечто похожее на божественное откровение, приведшее нас вначале к умопомрачению, но после этого последовало истинное прозрение, при котором начинаешь смотреть на мир новыми глазами и видеть то, чего раньше не замечал. Происходит нечто подобное тому, когда вдруг черти с ангелами меняются местами и обретают лики святых. М-да, тогда мы увидели реальный мир под необычным углом, и невозможное для нас стало возможным, а желанное – действительным. О! Это было, как сон, как некое наваждение, которому я лично отдался целиком без остатка, после чего моё сердце стало лёгким, как пушинка, а душа воспарила в сферы, недоступные человеческому разуму, где путь в неизвестное освещен волшебным светом, льющим из самой тайны бытия. И я узрел такое, отчего мурашки до сих пор пробегают по моему телу при одном только воспоминании. О! Это было, как фантастика, как соприкосновение с новым миром, когда, как по мановению магической палочки, все вокруг начинает кружиться, и вас куда-то несёт, словно засасывая в воронку, и вы входите в ту таинственную область, которая, по мнению некоторых знатоков, находится в пресловутом четвертом измерении, о чём так много спорят учёные мужи, но никто толком не знает, ни что оно собой представляет, ни где находится.

І. Знакомство с девушкой

Говорят, что женщина приносит одни несчастья. Но я этому не верю даже после тех потрясений, которые пережил, когда, очертя голову, бросился вслед за ней, ангелом в женской юбке. И ничего, всё обошлось, слава Богу, я уцелел. Если и были какие-то неприятности, то все они прошли. Но пережитые ощущения не отпускают меня ни на минуту, заставляя вновь и вновь мысленно возвращаться к воспоминаниям, дорисовывая в моём воображении во всех подробностях полную картину моих приключений. Даже сейчас я не перестаю думать, что если бы повторилась вся ситуация и мне было бы известно, через что предстоит пройти, то и тогда я бы не поступил иначе.

У каждого человека в жизни есть обозначенный предел, до которого он может терпеть себя и всё окружающее его. Помните, как у Луиджи Пиранделло, когда герой его рассказа "Бегство" ненавидит улицу и дом, куда он должен вернуться, и тех, кто там живёт, но больше всего презирает самого себя и свою жизнь, которую не чувствует своей. И вдруг перед его глазами возникают из густого тумана очертания лошади молочника, отлучившегося на минуту. Герой вскакивает на облучок повозки с бидонами, стегает лошадь, и та уносит его в неизвестность, в вечность. Неправда ли, поэтичная картина и, главное, очень реалистичная. Кто из нас когда-нибудь не хотел всё бросить и бежать от этой жизни, куда глаза глядят? Кто не желал бы раствориться в вечности, открыв для себя новую Землю Обетованную, где ему дышалось бы свободно и жилось счастливо? Вот именно в такую минуту судьба вместо лошади с бидонами послала мне женщину с пепельными волосами. Вернее, девушку. Да ещё какую!

Я увидел её в трамвае. У её ног стояла большая сумка, набитая чем-то доверху. С такими сумками путешествуют сейчас многие. Но во всём облике девушки было что-то необычное, мимо чего невозможно было пройти, не обратив внимания. Я несколько раз посмотрел в её сторону, пытаясь уловить и понять то, чем она постоянно притягивала к себе мой взгляд. Да, она была красива, даже очень, но это не являлось её главной отличительной особенностью. Мне казалось, что, помимо всего, её привлекательность излучала какую-то таинственную радость. В её взгляде больших зеленовато-голубых глаз отразилось весеннее небо, когда она скользнула им по моему лицу, и я вдруг подумал, что моя судьба могла бы решиться в одно мгновение, окажись я рядом с ней. И я бы пошёл за ней хоть на край света. И если бы нужно было, не пожалел бы своей жизни ради одной её улыбки. Я так думал, отдаваясь внутреннему призыву своей изначальной природной зависимости от женщины, и мне очень захотелось с ней познакомиться. Но не всегда бывает так просто подойти к симпатичной девушке и сказать несколько слов, тем более такой красавице. Я долго ехал рядом с ней, почти касаясь её плеча, но никак не мог решиться заговорить. Когда трамвай остановился возле вокзала, я бросился к ней, как отчаявшийся бросается в омут с головой. В это мгновение она наклонилась, чтобы взять с пола сумку, и я, преодолев свою нерешительность, опередил её, перехватив ручки сумки.

– Позвольте помочь, – сказал я голосом, показавшимся мне самому чужим от напряжения.

Она улыбнулась, и лучики иронии, блеснув, брызнули из её глаз.

– Но эта сумка очень тяжёлая, – заметила она, – не пришлось бы вам раскаиваться.

– Ну, что вы, – выдохнул я. – Для меня это пустяки. Сумка оказалась, и в самом деле, очень тяжёлой.

– Что у вас в ней? – спросил я, с трудом спускаясь с подножки трамвая. – Слитки золота?

– Вы угадали, – засмеялась она. – Там лежит всё золото мира. Я вас предупреждала, что вы пытаетесь взвалить на себя непосильную ношу.

Но я вёл себя, как истинный джентльмен, а может быть, и как тот дурачок, которого подбадривают тем, что говорят ему о тяжести ноши, побуждая его этим лезть из кожи вон и доказывать, что он силач и способен свернуть горы. Может быть, так оно было и со мной.

– Ну, что вы! – воскликнул я. – Для меня это сущий пустяк.

С её сумкой я еле-еле дотащился до платформы. Вначале у меня совсем не было желания садиться в поезд, идущий неведомо куда. Я только хотел, помогая девушке, завязать знакомство, но когда услышал, что она уже не вернётся в этот город, подумал: "А что, если в последнюю минуту вскочить без билета на подножку отходящего поезда и отправиться с ней на восток, в неизведанное мне путешествие?" Вначале такая мысль меня самого позабавила, но потом имела роковое значение.

Тут я должен признаться, сделав некоторое отступление от моего повествования, что я люблю ездить в поездах. Я холост, по профессии – журналист, а по призванию – поэт. Что ни говори, а сочетание подобных качеств – холодный ум и горячее сердце, которыми я обладаю, изначально порождают во мне тягу к странствиям и стремление ввязаться в любую авантюру. Не раз мне доводилось переживать и в поездах счастливые минуты, встречая умного собеседника или тот притягательный образ, который остается в сердце надолго, если не навсегда. Сколько приятных воспоминаний связано у меня с такими путешествиями! Где, как не в поезде, можно вообразить себя странствующим рыцарем, жаждущим приключений, набраться свежих и ярких впечатлений, сделать потрясающие открытия? Уж эти мне безумные порывы молодости, когда мы склонны любить весь свет, наполняя сердце миром, открываемым перед нами, как на ладони, раздвигая далёкие горизонты, кажущиеся нам манящими и желанными!

Так что у меня с поездами особые отношения, но в путешествие без билета, не имея представления о том, что ждёт меня впереди, я всё же не мог пуститься в здравом уме и ясной памяти. Но тут произошло невероятное событие. Девушка, желая поблагодарить, повернулась и поцеловала меня. Возможно, она хотела чмокнуть в щеку, но я подставил губы. Впрочем, обо всём этом я должен рассказать по порядку, вернее, выстроить ту лестницу нарастания моих чувств, которые толкнули меня на этот безумный поступок. Вначале был поцелуй, пламенный и страстный. До сих пор я ощущаю его на своих губах. Он имел вкус самой девушки – сладкий и притягательный, возбуждающий жажду и голод одновременно. От этого неожиданного поцелуя у меня закружилась голова. Затем она что-то произнесла. Но ещё до восприятия смысла слов, слетевших с её уст, я был подхвачен потоком неведомых мне доселе чувств. Я вдохнул запах её кожи, свежей, как дыхание цветка, ощутил грацию и упругую мягкость груди, когда она протянула ко мне губы, увидел свет живых смеющихся глаз, исходящий из зелено-голубоватых радужных оболочек. Я услышал божественную музыку её голоса. И только потом дошли до меня её слова, смысла которых я тогда ещё не осознал.

– Спасибо! Жаль, что ты не со мной.

Да, все началось именно так, но в ту минуту я ещё не думал, что окажусь вместе с ней в поезде. Тогда я не мог предположить, какую роль сыграет в моей серой будничной жизни эта сказочная фея с пепельными волосами, озарив однообразие моего существования и скудость моего мышления своим лучезарным внутренним сиянием, представив весь мир в мерцании чудесного света, исходящего из самых обыденных, а порой и странных вещей и событий.

От волнения, охватившего меня, я не мог произнести ни слова. Она же смеялась, потешаясь над моей растерянностью.

Нет, сейчас я несколько не удивляюсь и не раскаиваюсь, что оказался вместе с ней в том поезде, уносящем нас к катастрофе, после чего мне пришлось пройти через мучительную боль потери, выздоровление и моё новое воскрешение к жизни.

Поезд, который обычно отправляется из Иркутска в Улан-Удэ в 22.24 по летнему расписанию, появился неожиданно тихо, как будто выплыл из дымки тумана, поднимающегося от

прохладных вод Ангары. Обалдевший от чувств, вызванных поцелуем незнакомки, я не услышал объявления о прибытии поезда, который должен был унести меня в ту странную ночь, которая перевернула всю мою жизнь. Я с трудом поднял тяжелую сумку на подножку вагона и подал ей руку, оставаясь на платформе. Она легко взбежала по ступенькам в тамбур вагона и лукаво посмотрела на меня сверху вниз. И в это самое мгновение сумка поднялась с подножки и поплыла вглубь вагона. Я увидел спину довольно стройного мужчины в дорогом костюме, удаляющегося с сумкой. И в тот миг в моей душе вдруг вспыхнуло жгучее чувство ревности. Девушка улынулась, помахала мне рукой и исчезла вслед за своим новым носильщиком. Поезд тронулся. Охваченный отчаянием потерять её, я вдруг неожиданно для себя прыгнул на подножку уже движущегося поезда. Тогда я не мог ещё подумать, что для меня начинается новая эпоха с чередой странных обстоятельств, проистекающих из простой смены дней и ночей, такой привычной в нашей серой будничной жизни, но непрерывное течение времени уже подхватило меня и понесло в этот сказочный мир, о существовании которого я тогда не подозревал.

Сама атмосфера, царившая среди пассажиров поезда, вмиг заставила меня забыть обо всём на свете. Поезд набирал скорость, путей к отступлению у меня не было. В плацкартном вагоне, куда села девушка, публика оказалась столь необычной и увлекательной, что, глядя на разнообразие лиц и покроев одежды, я вначале подумал, что все они представляют собой гастролирующую артистическую труппу. Стоя в проходе и отыскивая глазами мою незнакомку, вошедшую в вагон несколькими минутами раньше, я не мог удержаться, чтобы не попасть под магию их общего настроения. Должен заметить, что предприимчивые проводники постарались набить пассажиров в купе, как сельдей в бочку. Почти на каждой скамейке сидело трое вместо полагающихся двух человек.

– Можете присаживаться, – сказал занимающий рядом с девушкой место мужчина в дорогом костюме, освободив для меня краешек скамейки. Это был именно тот тип, который втащил в вагон её сумку.

– Благодарю, – сухо ответил я и опустился рядом с моим соперником.

Признаюсь, что, будучи человеком со склонностями к жизнеописанию, я частенько берусь за перо, чтобы черкнуть какую-либо вещь в стиле беллетристики, и всегда рад возможности обогатить свой жизненный опыт наблюдениями за попутчиками. Когда же у меня появляется свободное время, и я могу без суеты о чём-нибудь подумать, то мои наблюдения позволяют мне строить собственные философские обобщения на так называемом живом материале, включающем лица, жесты и слова моих вновь обретенных знакомых и друзей. Ну, чем не приятное времяпрепровождение для холостяка, пытающегося скрасить серость своего одинокого существования?

Итак, моя девушка оказалась в обществе шестерых мужчин, включая меня самого: благообразного старика с бородой, чем-то похожего на моего покойного отца; нищего в лохмотьях; импозантного мужчины в дорогом костюме – моего соперника, предложившего мне место; человека с европейской наружностью в монашеской одежде буддиста; и скромного, чуть странноватого молодого господина в одеянии, напоминающем плащ, облепленный птичьими перьями. Их разящее отличие друг от друга, вероятно, в первые минуты породило в моем воображении ассоциацию с театральной труппой ещё и потому, что четверо пассажиров, ехавших до нас, за время путешествия успели познакомиться и подружиться. И наше появление положило конец их дискуссии, но атмосфера лёгкой непринуждённой беседы всё ещё витала в воздухе, и в их глазах поблескивали весёлые искорки.

Увидев меня, девушка несколько не удивилась, лишь кивнула мне головой, как старому знакомому.

Усевшись возле прохода, я с интересом углубился в изучение моих спутников. Хотя у каждого из них были свои отличительные черты, своя особенность, а поэтому и своя манера поведения, всё же их объединяло нечто общее, чего я никак не мог уловить.

Сидящий у окна благообразный старик подарил мне взгляд своих небесно-чистых голубых очей, полный отеческой нежности, отчего мне стало не по себе. Должен признаться, что от всех четверых исходило какое-то особое чувство доброжелательства, что несколько диссонировало с моим вдруг помрачневшим расположением духа, с которым я неожиданно затесался среди них. Некоторое время все молчали, изучая взглядами друг друга. Девушка, которой досталось место у окна напротив старика, вдруг подавила смешок, и враз улыбка пробежала по лицам всех присутствующих. Вероятно, этот смешок у нее вырвался непроизвольно, но как бы там ни было, я принял его на свой счет и ещё больше помрачнел. "Какой я дурак!" – пронеслось у меня в голове. Но тут же я подумал: "А поцелуй? А её слова?" И я решил держаться до конца. У меня хватило сил овладеть собой. Я тоже изобразил на своём лице подобие улыбки, за что был сразу же принят в их компанию. Некоторое время все молчали, лишь стук колес нарушал тишину купе. Вдруг нищий бродяга, сидящий рядом со стариком, состроил страшную гримасу, отчего девушка залилась ещё большим смехом.

– Bravo! – воскликнул мужчина в дорогом костюме. – Это именно то выражение лица, с которым следует предстать перед ликом Господа Бога.

– Однако, – возразил с откидного сидения буддист-европеец, улыбнувшись одними глазами, – смотря перед каким богом вы собираетесь предстать, и есть ли у этого бога лик, в нашем понимании?

– Как раз ваше замечание наводит на одну мысль, которая преследует меня последнее время, – заметил мой импозантный соперник. – Ведь, в принципе, суть всех религий сводится к тому, чтобы, клеймя нас своими печатями в виде обрядов, аутодафе и прочей мистики, подчинять нас целям объединения или разъединения. От природы мы одарены фантазией и склонны к определенным силлогическим умозаключениям, воображая Бога соответственно своим духовным наклонностям и мироощущениям. Но никто из нас не допускает мысли, что Создатель может оказаться не таким, каким мы его рисуем в своем воображении.

– А каким его представляете себе вы? – спросил человек в одежде из перьев со своего откидного сидения напротив буддиста.

– Во всяком случае, смеющимся и потешающимся над нами, – улыбнулся мой сосед.

– Это почему же? – удивился человек в перьях.

– Ну, как же ему не смеяться? Стоит представить нас, сидящих здесь и строящих разные догадки по поводу того, чего нам не постичь своим разумом.

По правде сказать, меня мало интересовали духовные изыскания моего соседа, но я сразу же понял, к чему он клонит. Решив блеснуть своим умом перед девушкой и завоевать её симпатии, он, вместе с тем, провоцировал меня на дискуссию, чтобы разделаться со мной, как со своим оппонентом, так и соперником. В тиши кабинета я частенько предавался разного рода философским штудиям, даже пописывал некоторые умозрительные опусы, но в беседах я проявлял такое вопиющее косноязычие, что никогда не отваживался вступать в прения о высоких материях с умными собеседниками. Как я и ожидал, через пару минут он обратился ко мне с каверзным вопросом:

– А вы что думаете по этому поводу?

Я оторопело посмотрел по сторонам, судорожно пытаюсь измыслить что-либо оригинальное, но, как на зло, ни одна теория не приходила мне в голову. От досады я готов был хватить кулаком по скуле моего соседа, сидящего ко мне этим временем боком. Все обратили свои взоры в мою сторону. Я покраснел и нерешительно произнес:

– Что я думаю по этому поводу? А ничего я не думаю.

Такое заявление вызвало общий смех. Я ещё более смутился.

– А мне кажется, что у Бога – обличие птицы, – воскликнул человек в перьях. – Это я понял, когда научился летать и стал леветатором.

Внимание всех переключилось на Леветатора.

– Да, да, – продолжал он. – Бог – это огромная птица, которая откладывает яйца во Вселенной, а из этих яиц вылупляются миры и галактики.

Тема о том, чем является Бог на самом деле, вмиг завладела умами моих попутчиков. Развернулась горячая дискуссия, в которой, кроме меня, старика и девушки, все приняли участие.

Я смотрел то на них, то на неё краешком глаза и думал: "Зачем я здесь нахожусь? К чему мне весь этот спор?" Мимо меня прошел проводник. Я хотел остановить его, чтобы купить билет, но раздумал, потому что не знал, до какой станции едет девушка.

Поезд остановился на станции Шелехово. Пахло специфическим запахом фтора и серной кислоты. В окнах виднелись трубы алюминиевого завода, освещенные электрическим светом. В вагон вошёл пассажир маленького роста с зеленым лицом. На вид ему было лет шесть-семь. Глаза его лихорадочно блестели.

– Мальчик, а почему у тебя такое зеленое лицо? Ты, что же, переболел ветрянкой? – спросил нищий, намереваясь погладить его по голове.

Но пассажир резко отстранил его руку и заявил довольно неприятным хрипловатым голосом:

– Какой я вам мальчик? Лучше нужно смотреть. Мне уже шестьдесят два года. И потрудитесь ко мне обращаться на "вы".

Мы все так и обомлели.

– Прошу прощения, – воскликнул пассажир в лохмотьях, несколько не смутившись. – Вот уж никогда бы не поверил, что вам уже шестьдесят два. На лилипута вы не похожи, но и на взрослого, как будто, – тоже. Впрочем, какое мне дело, шестьдесят два вам или меньше.

– Вот именно! – воскликнул задиристый карлик, усаживаясь напротив меня. – Все меня почему-то принимают за ребёнка, и никто не желает признавать во мне великого химика и биолога. А я сделал такие потрясающие открытия, от которых может перевернуться весь мир.

– Да уж в наше время много наделано открытий, от которых можно сойти с ума или задохнуться, – заметил буддист-европеец, кивнув головой в сторону труб завода.

– А что? Прекрасный запах! – воскликнул карлик. – Плавиковая кислота тормозит регенерацию, а сочетание серной кислоты с фтором тормозит омоложение и ускоряет старение.

– Как будто мы все очень страдаем от омоложения, – с сарказмом заметил Леветатор.

– Вы, возможно, не страдаете, а для меня этот процесс губителен, – мрачно заметил карлик. – В свое время я изобрел препарат регенерации, при употреблении которого происходит такая бурная реакция омоложения, что за десять лет можно превратиться из старика в грудного младенца.

Никто из присутствующих, я думаю, не поверил ему, но все с интересом слушали слова этого странного пришельца с зелёным лицом.

– Здорово! – вырвалось у меня. – И что же дальше?

– А дальше реакция не замедляется, обратное действие развития продолжается вплоть до состояния эмбриона и кончается тем, что человек распадается на женскую яйцеклетку и мужской сперматозоид, которые погибают, не найдя подходящей для себя среды.

– Судя по вашему описанию, можно подумывать, что вы уже производили опыты с вашим препаратом?

– А как же! – возбужденно вскричал юный гений. – В начале опытов я не рассчитал дозу и испробовал этот препарат на одной девяностолетней старухе, так она на моих глазах превратилась в молоденькую девушку, а потом растаяла, как снежная баба. Финал вам известен.

От удивления многие из нас открыли рты.

- Так что же, – воскликнул буддист, – она регенерировалась до состояния эмбриона?
- Хуже. До состояния женских и мужских клеток.
- Невероятно! – восхитился я. – И вы тоже приняли этот препарат?
- В том то и дело, что у меня не хватило ума не применять его на себе.
- Так, значит, вам грозит то же самое?
- Если я не успею ничего придумать, чтобы остановить реакцию.
- А что вы для этого делаете?
- Езжу по индустриальным районам и дышу отравленным воздухом.
- Значит, вы наркоман? И поэтому у вас такой цвет лица?

– Не наркоман, а токсикоман, – поправил меня химик-биолог. – Где я только не бывал и что не нюхал! Дышал метил-меркаптановыми соединениями и парами сероорганики в Байкальске. Должен признаться, что сероводородный запах квашенной капусты совсем недурен на вкус. В Ангарске лечился букетом из пятиста химических соединений, куда входили и сера, и фтор, и хлор, и даже белково-витаминные концентраты, кстати, очень сильные аллергены. Поглощал ртутные пары. Упивался хлоро-органикой и окисями фтора и серы в Саянске и Зиме. Сейчас вот еду в Селенгинск на лечение. Говорят, там какие-то особые испарения сероводорода, выделяемые лесопромышленным комплексом. Главное сейчас для меня – затормозить процесс омоложения. Иначе ещё два-три года, а потом – каюк. Только и держусь на химических запахах.

Присутствующие качали головами, то ли сочувствуя, то ли не веря во всё сказанное этим зеленолицим несчастный учёным.

– О, Боже! – воскликнул я. – До чего же докатился мир! Если так пойдет дальше, то не за горами конец света.

- Намного ближе, – поддакнул мне нищий в лохмотьях.
- Горе от ума, – пошутил токсикоман, весело подмигнув моему соседу.

Мне показалось, что в глазах девушки мелькнула тень страха. Поезд тронулся. За окнами проплывали трубы алюминиевого завода, из которых, даже в темноте было видно, тянулись струйки белого ядовитого дыма. Поезд завернул гору и углубился в тайгу.

– В библии сказано, что конец света должен наступить на рубеже этих веков, – глубоко-мысленно заметил нищий.

– И тогда мы все предстанем перед ликом Господа Бога.

– Ещё есть время, – злорадно заметил биолог-токсикоман, – можно что-нибудь придумать этакое...

– Что ускорит конец света? – перебил его мой сосед с сарказмом в голосе.

– А что? У меня есть одно изобретение, которое может изменить атмосферу на земле, – злорадно заметил наш злой гений и вытащил из нагрудного кармана пиджака пробирку с прозрачными кристаллами.

– Вот, – продолжал он. – Стоит эту штуку бросить в огонь, как кристаллы войдут в реакцию с воздухом. Атмосфера на земле вмиг исчезнет, но появится новая, более насыщенная кислородом, правда, при этом все водоёмы на земле вместе с океанами понизят свой уровень на пятнадцать метров. Реакция пройдет быстро, за какие-нибудь пять-шесть минут, но, к сожалению, все живое, кроме растительности, за это время задохнется. Зато наступит полное очищение атмосферы на земле от всех выбросов и загрязнений и насыщение её кислородом.

И он потряс пробиркой в воздухе, отчего кристаллы издали почти музыкальный звук.

– Спрячьте это от греха подальше, – боязливо замахал на него руками Леветатор. – А то ещё нечаянно уроните и разобьете.

Токсикоман засмеялся и заметил:

– Я сам себе не враг. Кислород для меня опасен.

Он сунул пробирку на прежнее место и посмотрел в окно.

Из-за гор на востоке поднималась полная луна. Поезд шёл на большой скорости без остановок, так как навёрстывал упущенное время. Проводники немного притушили свет. Подлеповато горела только одна лампочка в проходе. Многие пассажиры готовились спать сидя. До Байкала оставалось ещё три часа езды. В нашем купе тоже никому не хотелось поддерживать разговор в столь поздний час. Зевота охватывала всех пассажиров, многие на глазах засыпали.

– А почему вы не спите? – спросил я для приличия старика, продолжавшего бодро смотреть в окно.

– Да я и молодым-то мало спал, – ответил старик, осветив меня добрым взглядом.

Я удивился, услышав его голос. Настолько он был чист и нежен, как горный ручей.

– Когда мне было восемнадцать лет, приходилось много работать в поле, а вечером я так же, как и другие, ходил на гуляние. Пойдёшь гулять – и до рассвета. А на рассвете идёшь домой, думая: "Вот сейчас лягу, усну". Подхожу к дому, а уже лошадь запряжена в телегу, семена засыпаны, и отец сидит, курит, ждёт меня – я должен скоро прийти с гуляния. Подхожу, он говорит: "Ну, поедем в поле сеять зерно, я жду тебя". Вот я ложусь в телегу, и поехали. Сколько времени ехали до места, где должны сеять, столько я и спал. Ну, час-полтора. Приезжаем. Он останавливается. Уже я чувствую, что качка прекратилась – остановились. Я встаю, хотя и крепко спал. Начинаю выпрягать из телеги лошадь, запрягать в плуг. Отец начал рассеивать зерно, я – пахать. Отец рассеял и ушёл, я же пашу до обеда. Подходит время обедать. Выпрягаю, еду домой кормить лошадей. И вот, пока лошади едят, можно было уснуть часа два. Непривычен был спать днём. Нет, не мог днём спать. После обеда едешь обратно в поле и пашешь дотемна. Домой возвращаешься, дремлется. Ну, думаю, никуда я не пойду сегодня, как только поужинаю, сразу лягу спать, выспаться надо. Но ещё не кончил ужин, слышу, там гармошка заиграла, девчата запели песни. Кого там! Разве уснешь! Пойдешь опять и гуляешь до утра. И это повторялось каждый день. И вот отец мне говорит: "Ты здоровый, как лошадь. Лошадь без сна живёт, и ты тоже спишь помалу, без сна живёшь."

Приятный голос старика завораживал, убаюкивал. Я чувствовал, что засыпаю.

II. Крушение поезда и конец света

Я проснулся неожиданно от какого-то внутреннего толчка и посмотрел сквозь прищуренные веки на девушку. В полумраке вагона её профиль склонился к окну, и локоны пепельных волос ниспадали по стеклу, как струящийся водопад. Она дремала. Почти всё моё окружение погрузилось в сон. Леветатор примостился на краю сидения, как спящая птица на жердочке. Буддист восседал с закрытыми глазами в позе лотоса, как медитирующий Будда. Старик, запрокинув голову, казалось, погрузился в свои глубокие думы. Нищий прикорнул у него под боком, смакуя блаженство, словно у Христа за пазухой. Голова моего соперника всё больше и больше склонялась в сторону моей ненаглядной красавицы, и только карлик с зеленым лицом ёрзал на скамейке и не находил себе покоя.

– Вы не против, если я совсем потушу свет? – спросил он у моего соседа. – А то у меня совсем расшалились нервы от всей этой жизни.

– Совсем нет. Напротив! Тушите, пожалуйста. Так даже лучше, – ответил мой вежливый соперник.

Свет погас. Купе погрузилось в темноту и лишь изредка освещалось огнями пронесившихся мимо станций. Какое-то время я пребывал на грани сна и бодрствования. Но вдруг на меня нашёл страх. На какое-то мгновение мне показалось, что у профессора с зеленым лицом засветились глаза, словно из них вылетели фосфорические искры. Он сидел тихо, подобно мыши, вогнувшись в спинку скамьи и застыв в позе одеревенелого трупа. Мне также почудилось, что он беззвучно открыл рот и зевнул, при этом его пасть осветилась зеленоватым светом. "Проклятая гнилушка, – подумал я, – чтоб тебе ни дна, ни покрышки. Может быть, у такого в темноте отрастают рога и появляется хвост? Чёртов профессор кислых щей!" Как только я такое подумал, на меня тут же откуда-то пахнуло серой. Сон как рукой сняло. Я выпрямился, пытаюсь в темноте рассмотреть фрагменты поз моих попутчиков и детали купе. Луна, вероятно, уже поднялась высоко и освещала верхушки пронесящихся за окном вековых кедров уже сверху, а не с боку, когда только-только выплыла из-за гор. Некоторое время я никак не мог понять, что за полоса света сияет вдали. Наконец, до меня дошло, что это был Байкал, и луна отражалась от его поверхности. Девушка спала крепким сном, откинувшись корпусом в угол между окном и сидением, почти на её груди я увидел склоненную голову моего соперника. Коленом он упирался в мою ногу. Всё это мне было неприятно. Пошли туннели один за другим. И тут я вспомнил об одной французской шутке и улыбнулся. Мы въехали в очередной туннель и в ту же самую секунду в крошечной тьме почти одновременно раздались звуки поцелуя и звонкой пощечины. Затаившись, я боялся пошевелить пальцем. В купе произошло замешательство. Мой сосед включил рубильник. Все проснулись. Даже при свете ночного светильника было видно, как правая щека моего соседа горит алым багрянцем. Выглядел он весьма сконфуженно. Как признанный психолог, я пытался определить, что думает каждый по этому поводу. В мысли старика я не смог проникнуть, но вот на лицах других попутчиков было написано следующее: Буддист: "А я-то думал, что они жених и невеста". Нищий: "С какой силой она засадила ему пощечину. Сильная девушка!" Леветатор: "В этом мире ещё не перевелись порядочные женщины". Химик-биолог-токсикоман: "Хорошо устроился, но не тут-то было!" Мой соперник, глядя с негодованием на профессора кислых щей: "Ну, и скотина! Вот, значит, зачем ему понадобилось тушить свет! Девушку целовал он, а я получил затрещину". Девушка: "Так значит он гомосексуалист. Кого же он поцеловал, и кому это не понравилось?" Я сладко потянулся и подумал про себя: "Не станет же мой соперник разбираться, кто целовал девушку. Однако ловко же мне удалось имитировать поцелуй и вклеить ему пощечину".

Настроение у меня мгновенно поднялось до самой высокой отметки. Я торжественно объявил:

– Едем вдоль берега Байкала.

Все прильнули лицами к окну, пытаясь разглядеть детали лунного ландшафта. Насколько хватало глаз, раскинулось чистое широкое озеро, залитое серебряным лунным светом. С высоты горы, откуда, виляя из стороны в сторону, спускался по извивающемуся железнодорожному полотну наш поезд, озеро казалось просвеченным лунными лучами до самого дна, настолько его воды были чистыми.

– А я вижу дно озеро! – поддавшись этой иллюзии, воскликнул Леветатор.

Все дружно рассмеялись.

– Этого не может быть, – сказал токсикоман.

– Почему? – удивился человек-птица.

– Потому что в десятке метров от берега уже километр глубины, – сказала девушка и рассмеялась, как серебряный колокольчик.

Почти все, кроме меня, впервые за весь вечер услышали звуки её голоса.

Её чистый голос, походивший на звучание хрустала, влился в наше купе, как свежий плеск горного родника. Мы все заворожено слушали. Никто её не перебивал. Все боялись, что она замолчит. Но она продолжала говорить мягко и нежно, как в счастливые минуты нам вещает сама мать-природа.

– Это самое глубокое и чистое озеро в мире. В нем – четвертая часть всех мировых запасов пресной воды. В Байкал впадает триста шестьдесят шесть рек и только одна Ангара вытекает из него в его юго-западной части. Если бы даже ни одна река не приносила свои воды, то Ангаре потребовалось бы четыреста лет, чтобы вылить из него всю воду. Вот сколько в нём воды.

– Но за десять минут я могу понизить его уровень на пятнадцать метров, – заявил гордо скрипучим голосом химико-биологический карлик, – к тому же изменить атмосферу на всей планете.

Он вновь вынул из кармана пробирку и потряс загадочными кристаллами в воздухе. Мимо нас на большой скорости прогромыхал на запад поезд, гружённый брёвнами, загородив панораму спящего в лунных лучах озера.

– Да спрячьте вы эту чёртову пробирку, – подал голос нищий. – А то я её выкину в окно.

– Что вы? Что вы? – вскричал испуганно Леветатор. – Не дай Бог, если она разобьётся. Наступит непоправимая катастрофа на земле. Всё живое, вдыхающее в лёгкие воздух, погибнет. Эту пробирку нужно беречь, как зеницу ока, охранять тщательнее атомных отходов.

Видимо, по-настоящему в теорию всемирной катастрофы верил среди нас только Леветатор. Токсикоман усмехнулся и с довольным видом сунул пробирку в карман.

– А что произойдет, если кристаллы попадут в воду? – спросил Леветатор.

– Думаю, что ничего не произойдет. Для реакции требуется огонь.

Леветатор тут же сделал заявление, обращаясь ко всем:

– Господа, давайте отберём у него пробирку и выбросим в Байкал.

– Да полно вам, неужели вы верите в эту чушь, – сказал мой сосед.

– Я вот сейчас подсчитал как математик, что если неожиданно Байкал враз обмелеет на пятнадцать метров, то Ангара перестанет из него вытекать. Потребуется не менее сорока-пятидесяти лет, чтобы он вновь наполнился до настоящего уровня.

Мне показалось, что эти слова были специально сказаны для девушки. Но она молчала, не принимая больше участия в нашем разговоре, и продолжала смотреть в окно. Встречный поезд прошёл, и вновь открылась лунная панорама Байкала.

По всему было видно, что токсикомана задела слова Леветатора. Он насупился и ворчливым тоном заметил:

– Стараешься, стараешься на благо всего человечества, и никто спасибо не скажет. Кристаллы хотят отнять, что выдумали.

Он крепко прижимал ладонью нагрудный карман. Никто не проявил никакой реакции.

– Да если хотите знать, я решил спасти вас всех, – не унимался он.

– Лишив нас атмосферы? – с сарказмом спросил его математик.

– Но это всего на десять минут.

– Но за десять минут всё живое может задохнуться.

– Для этого нужно на всех надеть кислородные маски.

– Представляю, – воскликнул восхищенно математик, – как пять миллиардов людей одновременно натягивают на свои лица кислородные маски! Великолепное зрелище. Где же вы, любезный, раздобудете такое количество масок?

– А как в это время будут дышать животные? – поинтересовался нищий.

– А птицы? Вы о них забыли? – воскликнул возбужденный Леветатор.

Учёный-токсикоман озабоченно потер затылок. По-видимому, он не до конца продумал схему обновления мира. В это время опять запахло квашеной капустой – смесью сероводорода с метил-меркаптаном. Поезд проезжал мимо целлюлозно-бумажного комбината в Байкальске. Над Байкалом при лунном свете из труб в небо выползали ядовитые змейки отравляющих паров. Картина потрясла своей убогой наготой. Однако, химик-биолог при виде труб ожил.

– А знаете, в Байкальске есть единственный в мире институт токсикологии?

– Созданный специально для вас? – с сарказмом спросил его Леветатор.

– Нет. Созданный специально для изыскательских работ по методам отравления этого уникального в мире озера, – ответил вместо химика мой сосед-математик. – Ну, что же, в нашей стране этим никого не удивишь.

Глядя на чадающие трубы, буддист-европеец мрачно заметил:

– Неужели смысл человеческой жизни состоит в том, чтобы изгадить этот мир и всё, что его окружает?

– Именно так, почтеннейший, – усмехнулся математик.

– В любом деле, в любой разумной деятельности должны наличествовать, по крайней мере, две слагаемые величины. Это – цель и временно-пространственные границы. Рано или поздно все действия заканчиваются приведением к общему знаменателю. Чем больше человек вгрызается в природу, тем больше он её разрушает.

– А Бог смотрит на всё это откуда-нибудь сверху и качает головой, – вставил свою реплику нищий.

– Хотелось хотя бы разок увидеть вашего Бога, – язвительно заметил буддист.

– А я его видел, – вдруг заявил нищий. Все обратили на него свои взоры.

– Да, да. Мы с ним жили даже под одной крышей, – торжественно возгласил он. – Это случилось, когда Иисус Христос вступил в наш город.

Мне почему-то вспомнилась картина одного фламандского художника "Вступление Иисуса Христа в Брюссель", и я невольно улыбнулся.

– Как же это произошло? – спросил легковёрный Леветатор.

– Его привезли в Иркутск в милицейском фургоне, – объявил нищий.

Все рассмеялись.

– Арестовали как самозванца?

– Нет. Задержали как умалишенного.

– И что же дальше? Поверили жители вашего достославного города во второе пришествие Иисуса Христа? – иронически спросил буддист.

– Нет, – вздохнув, произнес нищий. – Вначале его признал даже настоятель Крестовоздвиженской церкви достопочтенный отец Николай, но и он потом отрёкся от него.

– Я что-то об этом ничего не слышал, – серьёзно заметил математик.

– Ну, что вы? Тогда о нём ходило много слухов по городу. А сколько людей он излечил! Да что и говорить, народ у нас неблагодарный.

– Так, значит, вы единственный его свидетель и, можно сказать, апостол, если жили с ним под одной крышей?

Нищий апостол не без гордости кивнул головой и заявил:

– Вот странствую с тех пор, свидетельствуя о его чудесах, несу, так сказать, свой крест.

– Но Иисус был только сыном божьим, – заметил буддист.

– Он и есть Бог-сын.

– А кто же тогда Бог-отец? – не унимался буддист.

– Только избранным дано видеть лик Бога-отца. Был со мной такой случай, когда открылось небо и я увидел его божественный лик. Тогда и ещё обладал даром ясновидения.

– Куда же делся ваш дар? – продолжал с иронией задавать вопросы неугомонный буддист.

– Пропал после того, как на одной свадьбе бутылка прилетела мне в голову.

Все опять дружно рассмеялись, но нищий нисколько не обиделся, вероятно, он уже привык к всеобщему неверию.

– Вот так оно и бывает, – грустно произнес он. – Посетит нас Сын Божий, и никто его не; приметит.

Ему ничего не ответили, только старик сочувственно посмотрел на него своим ласковым небесным взглядом. Некоторое время все молчали.

– Бога нет, – вдруг категорично объявил профессор-токсикоман, – всё это досужие выдумки мракобесов. Есть материя, обладающая физическими и химическими свойствами. Только она наличествует во Вселенной. А все, что накручивается вокруг неё вашими воспалёнными мозгами, – бред сивой кобылы.

– Вы, случайно, не коммунист? – спросил его Леветатор.

– Вас не должны касаться мои политические взгляды и убеждения, – заявил вызывающим тоном токсикоман.

– Это вы зря, – вмешался в разговор попутчик в буддистской монашеской одежде. – Долгое время я жил далеко за Японским морем, на островах. Там вот, должен вам признаться, живет бесчисленное множество богов. И каждый из них имеет свое право на существование. Мне совсем не понятна идея еврейско-христианского бога. И чем больше я её постигаю, тем абсурднее она мне кажется. Ну, что такое ваш бог? Бог-убийца, который отнимает у вас жизни. И по какому праву? Да это же сущий палач. Вы знаете, иногда мне хочется оказаться в терпящем крушение самолете, чтобы заглянуть ему в глаза, увидеть его садистскую усмешку, когда вокруг будет рваться человеческая плоть вместе с корёжащимся металлом.

Математик, услышав эти слова, присвистнул и весело продекламировал:

– Настанет день, настанет час, придёт Земле конец. И нам придётся всё вернуть, что дал нам в долг Творец. И если мы, Его кляня, поднимем шум и вой, Он только усмехнётся нам, качая головой.

Все весело заплодировали, даже девушка одарила моего соперника ласковым взглядом.

– Но мне больше по душе другая идея бога, – продолжал буддист, склонив свою лысую голову набок. – И лучше и демократичнее всего идея множества богов. С вашим еврейско-европейским единым богом, довлеющим над всем живым и мёртвым, чувствуешь себя, как при дворе величественного императора, где подавляются все естественные простые человеческие чувства. Нет, мне уютнее с моими многочисленными богами, у которых есть слабости и недостатки и среди которых есть шанс стать самому богом.

– И как же вы собираетесь им стать? – с интересом спросил нищий апостол.

– Да как вам сказать? – молвил, улыбаясь, буддист. – Я им уже стал.

– Вы стали богом? – одновременно воскликнули Леветатор и нищий апостол, открыв рты от удивления. Токсикоман смерил их презрительным взглядом.

– Да. На меня снизошло просветление. К тому же я обрёл бессмертие, проглотив специальную пилюлю, став буддой Золотым Драконом.

– Вы хотите нас уверить, что никогда не умрёте? – воскликнул апостол, задыхаясь от такого нахальства нашего попутчика.

– Именно это я и хочу сказать.

Я подумал про себя: "Настоящий дурдом".

Математик не проронил ни слова, лишь с иронией во взгляде взирал на новоявленного Будду. Наш поезд промчался мимо станции Выдрино, выехал на просторы Бурятии.

– И что же делает Золотой Дракон у нас? – с улыбкой спросил математик, после того как проводник объявил нам, что поезд до станции Бабушкин идёт без остановок.

– Да вот решил познакомиться с местными богами.

– Как? – воскликнул Леветатор. – Здесь живут боги?

Буддист кивнул в сторону долин в предгорьях Хамар-Дабана, залитых лунным сиянием, и объявил во всеулышание:

– На этих просторах живет много богов, правда, не такое множество, как на японских островах, но вполне достаточно для весёлой жизни.

Мы прильнули лицами к окнам вагона, пытаясь в темноте рассмотреть хотя бы одного бога.

– По крайней мере, двести семьдесят пять бурятских богов точно живут вокруг Байкала, – продолжал вещать нам Золотой Дракон. – При этом сорок четыре враждебных людям богатэнгэрина живут на востоке Байкала, пятьдесят пять добрых духов-небожителей – на западе, семьдесят семь грозных богов – на севере, и девяносто девять нейтральных небожителей – на юге.

Он тоже заглянул в окно и пробормотал:

– Бурэнхыдэ будэмни, харанхыда хабамни.

– Что значат эти слова? – поинтересовался я.

– Только во мраке тумана становлюсь самим собой и только в ночной тьме обретаю силу и мощь. Фраза из шаманского камлания.

– Вы знаете шаманские заклинания? – удивился я.

– Меня им научил один мой приятель-шаман, к которому я еду на встречу. Кстати, – остановил он в проходе проводника, – вы не скажите, когда мы прибываем в Кабанск?

– В Кабанске поезд не останавливается, он идет без остановок от Бабушкина до Селенгинска, – сухо ответил тот.

– Что же мне делать? – спросил озабоченный буддист. – Мой друг ждет меня у станции Тимлюй. Если я выйду раньше времени в Бабушкине, то не доеду до него, а если высажусь в Селенгинске, то, значит, проеду Тимлюй.

– Езжайте с нами до Селенгинска, – предложил токсикоман. – Составите нам компанию.

– Но это исключено! – воскликнул взволнованно буддист. – Вы не знаете моего друга.

– Этого вашего шамана? – спросил профессор кислых щей, скривившись в приторной улыбке.

– Если я не выйду в положенном месте, он остановит поезд.

– Каким образом, милейший? – воскликнул зеленый карлик, потирая руки от предчувствия скандальной возможности позабавиться.

– Он сядет на рельсы и своим магнетическим взглядом остановит электропоезд, – пошутил математик.

– Он просто разберет рельсы и устроит катастрофу, – мрачно объявил Золотой Дракон.

Никто ему не поверил.

– Вы можете нажать на стоп-кран и остановить поезд, но в таком случае вам придётся заплатить штраф, – посоветовал я.

– Так и сделаю, – решил буддист.

– Надеюсь, вы это не всерьёз? – спросил зелёный химик-профессор.

– За такое дело не обойдешься одним штрафом. Могут и задержать, припишут вам хулиганство. А вы тоже хороши, даёте такой совет. Что будет, если каждый из нас начнет выходить там, где ему вздумается? Так мы и за месяц не доедем до Селенгинска.

Я ничего не ответил, лишь пожал плечами.

– Как бы это узнать, когда мы будем проезжать Тимлюй? – озабоченно спросил буддист, вертя головой по сторонам.

– Я вам скажу, – успокоил его токсикоман. – Я хорошо знаю эту дорогу.

– Уж будьте любезны, – попросил тот зелёного карлика.

Поезд мчался вдоль берега Байкала на север. Полная луна клонилась к западу. Серебряная дорожка от неё пробегала по зеркальной поверхности озера. Девушка, безучастная ко всему, продолжала смотреть в окно. Я терял надежду упрочить наше знакомство с ней. Если бы мой соперник курил и хотя бы один раз вышел в тамбур или по какой-нибудь своей нужде, то я уж не упустил бы случая, занял его место, попытался бы её разговорить. Но как заставить моего соперника уступить мне своё место? В голову мне ничего не приходило.

После короткой остановки в Бабушкине наш поезд вновь устремился по побережью на север. До рассвета было ещё далеко, луна покраснела и выросла в размерах, коснувшись вершин гор Приморского хребта на западе Байкала. Наблюдая за закатом луны, математик задумчиво обронил фразу:

– Ну, где же живут ваши боги? Что-то их нигде не видно.

Буддист посмотрел на него отсутствующим взглядом и ничего не ответил. Зато беседу поддержал Леветатор:

– Вы слышали о теории параллельных миров? Возможно, они прячутся от нас в этих мирах. Я где-то читал, что мёртвые тоже переселяются туда.

– А вы знаете, что если есть такой мир, то он должен находиться ниже уровня моря? – неожиданно вступил в разговор токсикоман. – На это указывает другая научная теория – о всемирном потопе, который когда-то пережил Ной вместе со своим ковчегом.

– И что же? – зевнул Леветатор, растянув свои продолговатые скулы, похожие на птичий клюв.

– Как что? После таяния ледников уровень океана поднялся, затопив этот самый мир. Вот если бы удался мой эксперимент, то мы бы наверняка открыли этот параллельный мир.

Токсикоман, ещё недавно придерживавшийся материалистического мировоззрения, явно спекулировал научными теориями ради продвижения своего открытия.

– А у вас есть патент на изобретение? – спросил его Леветатор.

– Какой там патент! После некоторых моих экспериментов мне приходится скрываться от правосудия.

– Ах, даже так? – воскликнул неприязненно Леветатор, который продолжал отказываться видеть в изобретателе подвижника.

Поезд проскочил посёлок Боярский на берегу Байкала и выскочил на топкие луга у залива Посольский Сор. Железная дорога с этого участка пути стала отдаляться от озера, углубляясь вглубь долины, раскинувшейся у подножия гор.

Математик оторвал взгляд от окна и устремил его на Леветатора.

– Так, значит, вас интересует вопрос, как мы, умирая, переходим в параллельный мир?

Леветатор не успел ответить. Поезд потряс мощный толчок. Пассажиры полетели друг на друга со своих сидений. Девушка оказалась в объятиях старика, нищий – в объятиях импозантного мужчины в дорогом костюме, я же держал в руках зелёного карлика. Наш вагон повело в сторону и почти полу опрокинуло на железнодорожной насыпи. Он как бы завис одним кон-

цом над крутым рвом. Другие вагоны поезда попадали с откоса. По параллельному пути на нас надвигался состав с нефте-цистернами.

– Что же вы наделали! – вскричал отчаявшийся буддист, держа на коленях Леветатора. – Почему вы не предупредили меня, что поезд проскочил станцию Тимлюй. Так оно и случилось! Шаман пустил наш поезд под откос.

В это время на нас наскочил состав с цистернами, раздался оглушительный грохот железа, лязг и скрежет металла, затем вспышка разорвала темноту. Одна из цистерн взорвалась.

– Кристаллы? Где мои кристаллы? – вскрикнул на моих руках зелёный карлик, шаря по своим карманам. – Мы все погибли!

– Задушить тебя мало! – орал ему в ухо галантный математик, стараясь перекричать адский грохот корёжащегося металла и разрывы ёмкостей с керосином. – Таких, как ты, нужно убивать в утробе матери.

Но профессор никого не слушал, он продолжал обшаривать свои карманы. В это время я увидел на полу нашего наклоненного вправо купе остатки разбитой пробирки и рассыпанные кристаллы. Сноп искр влетел в разбитое окно и несколько капель нефти загорелось рядом с кристаллами. В тот же самый миг купе наполнилось тошнотворным запахом.

– Не дышите! Задержите дыхание, – истошно завопил профессор. – Сейчас начнется реакция!

Я почувствовал, что мне не хватает воздуха. Я задыхался. Мои спутники также открывали рты, как рыбы, и хватали им воздух. Только одна девушка вела себя в этом аду хладнокровно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.